

Александр Храмов

# «Хохляндия в Курской губернии»:

## Украинизация РСФСР и ее враги (по материалам журнальной периодики 1929–1932 гг.)

*В Курской губернии работнику Наркомпроса, присланному проводить украинизацию, было сказано, что его ведомство «пытается создать Хохляндию в Курской губернии»<sup>1</sup>.*

Наряду с плановой экономикой и гегемонией коммунистической партии одной из наиболее характерных особенностей советской системы являлась так называемая институализированная многонациональность<sup>2</sup>. Вместо того чтобы унифицировать население в национально-культурном отношении, чем занимались все европейские государства того времени вне зависимости от политического устройства, СССР с момента своего создания в 1922 г. начал сознательно культивировать свою этническую гетерогенность. Большевики не просто шли на уступки уже существовавшим национальным притязаниям отдельных народов, таких как армяне или грузины, они создавали нации там, где их не было, — достаточно посмотреть, с каким упорством советская власть перекраивала Поволжье и Среднюю Азию, вменяя их населению ту или иную национальную идентичность.

<sup>1</sup> Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 391.

<sup>2</sup> Brubaker R. Nationhood and the national question in the Soviet Union // Theory and Society. 1994. V. 23. P. 47–78.

Многочисленные советские нации снабжались собственными территориями в виде автономных областей или республик, национальной культурой и национальными элитами (коренизация)<sup>3</sup>. Даже после того как в середине 1930-х активная фаза этого процесса подошла к концу, заложенные в первые советские годы основы институализированной многонациональности остались незыблемыми. Представление о национальных территориях, находящихся в собственности у «коренных» народов, в конечном счете предопределило как распад СССР, так и судьбу его преемника, Российской Федерации, которая продолжает двигаться в русле советской многонациональности<sup>4</sup>.

Почему же строительство коммунизма в СССР было сопряжено с множественным нациестроительством, неслыханным по своим масштабам? Обычно на этот вопрос дается два ответа. Во-первых, большевики наме-

<sup>3</sup> См., напр.: Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 329–374.

<sup>4</sup> Храмов А. Российская Федерация как наследие Ленина–Сталина // Вопросы национализма. 2010. № 4. С. 18–38.

ревались вырвать инициативу из рук «буржуазных националистов» — не дожидаясь подъема национализма на местах, советская власть хотела заранее удовлетворить национальные притязания трудящихся. Во-вторых, в экспансионистских целях СССР использовал в приграничных регионах «пьемонтский принцип» — бурное национальное строительство под руководством советской власти должно было вызвать симпатии национальных меньшинств по ту сторону границы или хотя бы послужить оправданием для аннексии населенных ими территорий.

Оба эти объяснения очень хорошо работают, если говорить о национальной политике большевиков по отношению к Украине. Так, на XII съезде РКП(б) в 1923 году Григорий Гринько, председатель Госплана УССР, грозно напоминал о «петлюровщине» и «национальных восстаниях» всем тем, кто полагает, что крестьяне Украины «не хотят украинского языка»: «если партия не найдет... силы немедленно и активно взять в руки инициативу проведения [нового курса национальной] политики, то за нас ее будут проводить другие»<sup>5</sup>. Кроме нейтрализации националистических настроений, украинизация в УССР должна было контрастировать с плачевным состоянием украинцев в Польше<sup>6</sup>, которое в итоге и стало основанием для советской оккупации Галиции в 1939 году.

Но чем объяснить тот факт, что

<sup>5</sup> Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 504–505.

<sup>6</sup> Как писал в том же 1923 году Христиан Раковский, председатель Совнаркома УССР, «Украина стала центром советской власти не только для украинского крестьянства, на него обращают свои взгляды и крестьяне-украинцы, живущие за границей Советской Украины». Цит. по: *Пижик А.* Ідеологічна основа більшовицької політики українізації // *Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка: Історія.* 2011. № 104. С. 47–50.

украинизация до 1933 г. не ограничивалась собственно УССР, а затронула также миллионы людей на просторах РСФСР, от Северного Кавказа до Дальнего Востока? Неужели кто-то всерьез опасался, что в украинских анклавах где-нибудь в Приморье колхозники взбунтуются против советской власти под флагами украинского национализма? Неужели кто-то полагал, что наличие украинской избы-читальни в поселке украинских рабочих в Казахской АССР повлияет на настроения жителей Западной Украины в далекой Польше?<sup>7</sup> По-видимому, у советской власти существовали иные основания для проведения украинизации в РСФСР, несмотря на множество трудностей, с которыми она была сопряжена. Возможно, анализ этих оснований будет полезен для понимания логики всей советской национальной политики.

### Украинский экспансионизм

Как отмечалось в одной из статей за 1931 г., несмотря на свою высокую численность в РСФСР (согласно переписи 1926 г., она составляла почти 8 млн.), украинцы «в течение почти 10 лет после Октябрьской революции не были культурно и в бытовом отношении обслужены на родном языке»<sup>8</sup>. С этим

<sup>7</sup> Впрочем, при проведении украинизации на юге России такие соображения действительно имели место. Так, Абдулло Рахимбаев, председатель Комитета совета национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР, подчеркивал, что «полная украинизация целых бывших громадных округов (Россошанский округ, Кубань), приобретающее исключительное значение на мрачном фоне неслыханных угнетений и преследований, которым подвергаются национальные меньшинства в Западной Европе вообще и в фашистской Польше в особенности» (*Рахимбаев А.* Предисловие // *Островский З.М.* Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. М., 1931. С. 4).

<sup>8</sup> *Зонин Ю.* Украинизация и перевыборы советов в Россошанском районе ЦЧО //

утверждением можно согласиться — не считая отдельных попыток, которые скорее имели экспериментальный и эпизодический характер<sup>9</sup>, масштабная и систематическая украинизация в РСФСР началась с некоторым опозданием лишь в конце 1920-х гг. Она шла следом за массовой украинизацией в самой Украине, значительное ускорение которой придал Лазарь Каганович, будучи генсексом ЦК КПУ (март 1925 — июнь 1926).

При Кагановиче в школах, вузах, прессе, профсоюзах и прочих учреждениях по всей Украине в директивном порядке внедрялся украинский язык, а этнических украинцев продвигали в госаппарат и по партийной линии<sup>10</sup>. Каганович пропагандировал украинизацию даже на личном опыте, так что годы спустя его продолжали ставить в пример нерадивым работникам, отказывающимся изучать национальные языки: «Не должно быть места заявлениям, что национальный язык неизучим и пр. Веским доказательством служит пример секретаря ЦК ВКП(б) т. Кагановича, который в несколько месяцев изучил украинский язык, и на I съезде Украины уже сделал большой политический доклад на украинском языке»<sup>11</sup>.

Революция и национальности. 1931. №2–3. С. 61–64.

<sup>9</sup> До конца 1920-х украинизация ограничивалась почти исключительно школьным образованием, причем из-за нехватки финансирования и отсутствия учебников и учителей уже украинизированные школы иногда вновь переходили на русский язык. См.: *Рянский А.М.* Из истории национально-культурного строительства на территории Курской губернии в 1920-х годах: украинизация просвещения // Национальное и общечеловеческое в культуре и образовании / Под ред. А.В. Репринцева. Курск, 2000. С. 247–255.

<sup>10</sup> *Мартин Т.* Указ. соч. С. 121–139.

<sup>11</sup> *Уралов М.* Вопросы культурного строительства в нацреспубликах и областях // Просвещение национальностей. 1931. №3. С. 15–21.

Каганович использовал свое влияние в интересах территориальной экспансии УССР за счет территорий РСФСР, присоединение которых было одним из приоритетов украинской партийной элиты большую часть 1920-х гг. Так, сохранился черновик письма Кагановича Сталину, в котором тот поднимает «вопрос о передаче Украине украинских уездов Воронежской и Курской губерний»<sup>12</sup>. Тем не менее по сравнению с Белоруссией, которая в 1924 и 1926 гг. получила из состава РСФСР 18 «белорусских» уездов с населением более 2 млн. человек, успехи украинского руководства оказались куда более скромными. В 1925 г. УССР уступила ряд территорий Северо-Кавказскому краю, и взамен к ней отошли небольшая часть Курской губернии и по одной волости из состава Гомельской и Воронежской губерний. В 1926 г. УССР получила еще по волости из Брянской и Воронежской губерний, и, наконец, еще несколько небольших сел в 1928 г.<sup>13</sup>.

Полученные территории были существенно меньше тех, на которые претендовало украинское руководство: так, из 44 волостей Курской губернии со «сплошным украинским расселением» УССР удалось добиться присоединения только 10<sup>14</sup>. Украинизаторы отмечали, что в смежных с УССР российских регионах осталось три крупных украинских анклава — в бывшей Курской губернии (доля украинцев среди населения — 19%), в бывшей Воронежской губернии (32,6%) и Северо-Кавказском крае (37,2%)<sup>15</sup>. Бывшими

<sup>12</sup> *Борисёнок Е.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 105.

<sup>13</sup> *Мартин Т.* Указ. соч. С. 384–388.

<sup>14</sup> *Колупаев А.А.* Решение вопроса границ между Россией и Украиной в первой половине 20-х гг. XX века (на примере Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. №2 (53). С. 149–155.

<sup>15</sup> *Зонин Ю.* Указ. соч.

эти губернии стали после 1928 года, когда их слили в Центрально-Черноземную область (ЦЧО). В связи с подготовкой к созданию ЦЧО в УССР вновь напомнили о своих территориальных притязаниях — нарком просвещения УССР Николай Скрышник заявил о «грубом извращении национальной политики партии по отношению к украинскому населению в Курской и Воронежской губерниях»<sup>16</sup>.

Недостаточность украинизации в РСФСР служила важным доводом в пользу пересмотра границ — если национальные потребности украинских районов не учитывались, то, согласно логике украинских функционеров, их следовало передать УССР. Например, когда в 1926 г. Старобельский округ УССР выдвинул претензии на станцию Чертково, входящую в состав Северо-Кавказского края, украинская комиссия специально отмечала факты неуважения по отношению к украинской культуре, имевшие место в этом населенном пункте: комиссией было обнаружено, что некий Данцев, заведующий клубом чертковской хладобойни, «высмеивал украинизацию, особенно украинизацию кино»<sup>17</sup>.

В начале 1929 г. Сталин на встрече с делегацией украинских писателей заявил, что «[мы] слишком часто меняем границы»<sup>18</sup>, тем самым дав понять, что Украине не стоит рассчитывать на дальнейшие территориальные уступки.

<sup>16</sup> *Борисёнок Е.* Указ. соч. С. 114.

<sup>17</sup> *Кринко Е.Ф., Татаринев И.Е.* «Мы — Россия, а Вы — Украина, и нам до Вас нет дела...»: территориальные споры в Приазовье и на Донбассе в 1920-е гг. // *Былые годы.* 2014. № 34. С. 639–644. Проблема дошла до Кагановича и даже обсуждалась на Политбюро ЦК ВКП(б), однако в итоге станция Чертково так и осталась в составе РСФСР. Поэтому в 1991 г. государственная граница между Украиной и Россией прошла прямо по улице, которая отделяла Чертково от поселка Меловое на украинской стороне.

<sup>18</sup> *Мартин Т.* Указ. соч. С. 386.

Поэтому можно предположить, что начавшаяся примерно в то же время активная украинизация в РСФСР была попыткой «подсластить пилюлю», одновременно лишив украинскую сторону веского аргумента, обосновывавшего ее территориальные притязания. Но это объяснение опять-таки работает лишь частично: на Дальний Восток и Сибирь УССР не претендовала, но украинизация развернулась и там<sup>19</sup>. Опять-таки, Белоруссия получила все белорусские районы граничащих с ней губерний, но процессы белоруссизации, несмотря на это, в РСФСР также были запущены.

### «Украинизация — важнейшая задача»

По словам инструктора ВЦИК Зиновия Островского, «переломный период в области украинизации начался в 1928 г. в связи с решительным нажимом, произведенным из центра»<sup>20</sup>. В июне 1929 г. Северо-Кавказским крайисполкомом в президиум ВЦИК был представлен 3-летний план украинизации всех районов края с преобладанием украинского населения. Всего было намечено 37 таких районов, где проживало 1750 тыс. украинцев<sup>21</sup>, причем украинизировать там предполагалось не только образование, но и все

<sup>19</sup> Только в Приморье и Приамурье в начале 1930-х было создано 14 украинских районов. До 1929 года там не было ни одной украинской школы, но уже в 1932 году там работало 1076 школ I ступени, в которых училось 52,2 тыс. детей, а также 219 украинских средних школ с 8,8 тыс. учеников. Кроме того, в данных районах были украинизованы пресса и государственный аппарат. См.: *Українізація 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки* / Под ред. В.А. Смолія. Киев, 2003. С. 257–258.

<sup>20</sup> *Островский З.* Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР. М., 1931. С. 70.

<sup>21</sup> *Булатников И.* Об украинизации на Северном Кавказе // *Просвещение национальностей.* 1929. № 1. С. 94–99.

местные органы власти, кооперативы, профсоюзы, прессу и культпросветучреждения. Чтобы ускорить процесс, в Славянском районе Кубанского округа было даже объявлено о начале соцсоревнования между отдельными станциями в деле подготовки украинизации<sup>22</sup>.

Не менее масштабной была и украинизация в ЦЧО, стартовавшая вскоре после создания области. Летом 1929 г. бюро обкома ВКП(б) приняло целый ряд решений, обязывающих в двухлетний срок «полностью украинизировать районы с преобладающим украинским населением»<sup>23</sup>, каковых в ЦЧО имелось 27. Всего же украинизация, полная или частичная, должна была затронуть около трети районов области (53 из 155)<sup>24</sup>. Москва старалась, чтобы об украинизации не забывали и в других регионах РСФСР: так, в декабре 1929 г. президиум Совета национальностей ЦИК СССР вынес порицание Сибкрайисполкому за «слабость работы и недооценку политического обслуживания украинцев и белорусов как нацменьшинств на их родном языке»<sup>25</sup>.

Во время своей активной фазы украинизация в РСФСР достаточно широко освещалась в русскоязычной<sup>26</sup> журнальной периодике. Во-первых, статьи, посвященные украинизации, появлялись во всесоюзных издани-

ях, специализировавшихся на национальной тематике, таких как «Просвещение национальностей» (журнал, издававшийся Союзом работников просвещения СССР) и «Революция и национальности» (издавался Советом национальностей ЦИК СССР). Во-вторых, этот вопрос затрагивался в региональных изданиях общей направленности, которые выпускались в тех регионах РСФСР, где украинизация проводилась особенно активно. Среди таких изданий можно упомянуть журналы «Ленинский путь» (орган Северо-Кавказского крайкома ВКП(б)) и «Работа советов» (издавался облисполкомом ЦЧО) — в одном из выпусков последнего за 1931 год было опубликовано сразу 5 материалов, освещающих ход украинизации в ЦЧО.

В виде исключения в отдельных публикациях звучали оптимистичные нотки и содержались сведения о достигнутых успехах. Например, ситуация с украинизацией в Россосанском районе ЦЧО (как утверждалось, доля украинского населения там достигала 95%) была изображена в одной из статей в очень позитивном ключе. По словам ее автора, к началу 1931 года общий отдел Россосанского райисполкома «может считаться украинизованным на 100%», такая же картина складывалась в судебной системе и образовании — помимо 55 школ, в районе были украинизованы медицинский техникум и курсы зоотехников и полеводов. Несмотря на упоминавшиеся в статье отдельные упущения, из нее складывалось ощущение, что для окончательной украинизации района оставалось сделать совсем немного<sup>27</sup>.

Однако общая тональность большинства публикаций была куда более удручающей. Практически все авторы, неважно, шла ли речь о Сибири или Северном Кавказе, отмечали отсутствие значительных успехов украинизации и указывали на серьезное

<sup>22</sup> *Островский* З. Указ. соч. С. 77.

<sup>23</sup> Там же. С. 70.

<sup>24</sup> *Аристов* Н. Обслуживание нацменьшинств — на высшую ступень // Работа советов. Журнал облисполкома ЦЧО. 1932. №12. С. 23–24.

<sup>25</sup> *Шалюна* М. Нацменьшинства Сибири // Революция и национальности. 1930. №1. С. 89–93.

<sup>26</sup> Рассмотрение журналов, выпускавшихся в УССР (там внимательно следили за национальной политикой в отношении украинцев в РСФСР), а также украиноязычных журналов, издававшихся в РСФСР (например, «Новая Кубань», «Новым шляхом»), находится за рамками данной статьи.

<sup>27</sup> *Зонин* Ю. Указ. соч.

противодействие, которое оказывалось ей на местах. Например, о ситуации в Северо-Кавказском крае можно было прочесть, что, несмотря на некоторые успехи в области культурных учреждений, «по линии советского аппарата за два года украинизации мы не имеем почти никаких сдвигов»: «украинизация сельсоветов дальше вывесок, штампов, печатей и бланков не пошла». Нередко отделялась формальностями и пресса — так, одна из районных газет «вместо освещения вопросов украинизации печатала лишь “украинские частушки”»<sup>28</sup>. Хуже всего обстояло дело с украинизацией кинематографа и вообще всего, что было подведомственно всесоюзным учреждениям — так, один из авторов сетовал, что Союзкино нет дела до того, что «кинофильмы в украинских районах [ЦЧО] в большинстве идут с надписями на русском языке»<sup>29</sup>.

«Дело не двигается. Где же причина?.. Все согласны, все разрешено, все выяснено, но никто ничего не делает»<sup>30</sup>, — подобное удивление рефреном проходило через все материалы, посвященные украинизации. При этом их авторов едва ли можно заподозрить в сознательном сгущении красок и преувеличении трудностей с целью доказать невозможность украинизации. Наоборот, в статьях чувствуются страстные попытки нащупать причину ее пробуксовки и искреннее желание эту причину устранить. В большинстве публикаций страстно критиковалась «недооценка украинизации, пассивное, а иногда активное сопротивление проведению в жизнь ленинской национальной политики»<sup>31</sup>, а в одной из них даже содержался призыв «жестко ударить по рукам всех,

кто тормозит украинизацию»<sup>32</sup>. Кого же именно предлагалось бить по рукам? Кто именно фигурировал на страницах журналов в качестве противников украинизации?

### «Что вы наших детей калечите?»

В первую очередь критика со стороны поборников украинизации обрушивалась на местных работников совapparата и партии. «Основная причина неудовлетворительного хода украинизации коренится в недооценке политического значения украинизации со стороны прежде всего некоторых партийных организаций, в еще неизжитых полностью настроениях великорусского шовинизма»<sup>33</sup>. Например, корреспондент из Новокалитвенского района ЦЧО указывал, что «ответственные и технические работники района игнорируют задачи национальной политики»<sup>34</sup>. В том, что госслужащие плохо посещали курсы украинского языка, опять-таки были виноваты руководители учреждений и организаций, оппортунистически относящиеся к украинизации»<sup>35</sup>. Славгородское окроно обвинялось в закрытии уже функционирующих украинских школ, поскольку туда не были направлены украинские педагоги — из 29 учителей-украинцев Славгородского района (Сибирский край) 17 предпочитали работать в русских школах»<sup>36</sup>.

Иногда на страницах журналов можно было прочитать об «открытых выступлениях против украинизации» среди представителей местного совapparата. Так, в некоторых районах Кубани «отдельные работники даже заявляли, что украинизация — это просто

<sup>28</sup> Саратовский А. Боевые вопросы украинизации на Северном Кавказе // Ленинский путь. №6. С. 34–39.

<sup>29</sup> Аристов Н. Указ. соч.

<sup>30</sup> Булатников И. Указ. соч.

<sup>31</sup> Аристов Н. Указ. соч.

<sup>32</sup> Федотов А. Украинизация — важнейшая задача // Работа советов. 1931. №10–11. С. 38–40.

<sup>33</sup> Саратовский А. Указ. соч.

<sup>34</sup> Шошин С. Нужен крутой перелом в работе // Работа советов. 1931. №10–11. С. 45.

<sup>35</sup> Федотов А. Указ. соч.

<sup>36</sup> Шалюна М. Указ. соч.

“головотяпство” (ст. Троицкая), отказывались от проведения украинизации аппарата отдельных учреждений и ведомств, ссылаясь на “отсутствие директив свыше”, травили учителей-украинцев активистов»<sup>37</sup>. В этом же материале с возмущением сообщалось о просьбе райисполкома Заветинского района к Северо-Кавказскому крайисполкому «специальным постановлением выслать представителя для установления “принципиальной возможности проведения украинизации в районе (!), так как население на украинизацию смотрит, как на навязанную”». Автор статьи вынес однозначный приговор этой робкой попытке принять во внимание мнение местного населения по вопросу украинизации: «нужен ли еще более яркий образчик великодержавного шовинизма?»

Рядовые специалисты, судя по журнальным материалам, иногда также резко высказывались против украинизации. В Буденновском районе ЦЧО «директор Буденновской МТС т. Костин открыто заявил: “зачем нужна нам украинизация, зачем мы будем калечить своих детей и себя”»<sup>38</sup>. Некоторые представители педагогического коллектива, которые должны были проводить украинизацию, порой демонстрировали к ней весьма враждебное отношение. Например, в 1932 г., в самый разгар кампании украинизации<sup>39</sup>, один

из педагогов на районной учительской конференции в Острогжске (ЦЧО) вслух ее раскритиковал: «раньше нас учили писать “ять”, а теперь хохлацкую мову». Хотя выступавший, в отличие от директора МТС, не назван по имени, статья инспектора по украинизации в ЦЧО, где приводятся данные факты, напоминает публичный донос — в ней говорится, что выступление педагога «должно быть расценено как вылазка классового врага»<sup>40</sup>.

Наконец, согласно некоторым публикациям, противодействие украинизации оказывалось и на селе, на самом низовом уровне советской иерархии — вина за это возлагалась на зажиточных крестьян-единоличников. Корреспондент из Каменского района ЦЧО указывал, что «проведение украинизации в районе встречает ожесточенное классовое сопротивление кулачества и классово враждебных элементов». Сначала такие элементы пытались «извращать украинизацию, толкая ее в том смысле, что район будет присоединен к Украине», а затем начали агитировать против коренизации школы, «провоцируя отсталые слои крестьянства отказываться учить детей по-украински, слушать доклады на украинском языке»<sup>41</sup>. Из Томаровского района ЦЧО также поступала информация о том, что «кулаки и их агенты всячески пытаются сорвать мероприятия по осуществлению национальной политики». Например, на родительском собрании в одной из украинизированных школ после доклада учительницы на украинском языке «были выступления и кулацкого толка с рассуждениями о том, что по-украински мы ничего не понимаем, что вы наших детей калечите, что это делается затем, чтобы их не приняли учиться в городе»<sup>42</sup>. На Кубани «кулацкие

<sup>37</sup> *Саратовский А.* Указ. соч.

<sup>38</sup> *Сосуля О.* Раз и навсегда ликвидировать оппортунизм в украинизации // Работа советов. Журнал облисполкома ЦЧО. 1932. №12. С. 25.

<sup>39</sup> Недовольство педагогических кадров проявлялось и на более ранних этапах украинизации. Например, в 1927 г. Курский губисполком был вынужден «немедленно предупредить учителей украинских селений о том, что нежелание учителя вести работу на родном языке учащихся в школах, подлежащих переводу на украинский язык, не может служить препятствием к украинизации школ» (*Рянский А.М.* Указ. соч.).

<sup>40</sup> *Сосуля О.* Указ. соч.

<sup>41</sup> *Величко М.* Еще многое надо сделать // Работа советов. 1931. №10–11. С. 42–43.

<sup>42</sup> *Тихий Н.* Дать отпор великодержавному

агенты» агитировали: «не ведите детей в школу, там их учат мужицкому языку для того, чтобы вы ничего не понимали и легче с вас было брать налоги»<sup>43</sup>.

Таким образом, в журнальной периодике ответственность за противостояние украинизации возлагалась в основном на три категории лиц: на местных руководящих работников, на рядовых совслужащих и на зажиточных крестьян<sup>44</sup>. Если первые две группы сопротивлялись украинизации главным образом из-за своего «великорусского шовинизма», то кулаков к сопротивлению подталкивали классовые интересы. Однако в публикациях, посвященных украинизации, постоянно ощущалось присутствие еще одной противодействующей силы, рассредоточенной по всем уровням советской системы. Это диффузное противодействие выглядело самым труднопреодолимым, потому что оно исходило не от отдельных злонамеренных элементов, а от главного предполагаемого бенефициара украинизации — от самого украинского меньшинства в РСФСР.

### Принуждение к нерусскости

Как с удивлением отмечалось в ряде материалов, многие этнические украинцы не только не спешили включиться в дело украинизации, но и демонстрировали какое-то глубинное нежелание выделяться из окружающего русского большинства. Например, автор одной из статей сообщал, что в Ровенском

районе ЦЧО «работники райФО, владеющие украинским языком, работу ведут на русском языке»<sup>45</sup>. Похожая информация поступала и из других регионов: «в Бутурлинском райОНО из 3 инструкторов — 2 владеют украинским языком, но с учительством и с посетителями-украинцами разговаривают на русском языке. В свою очередь, учительство, как бы заразившись “дурным примером”, украинский язык употребляет исключительно в стенах школы»<sup>46</sup>, а вне школы принципиально, по-видимому, говорит только на русском языке»<sup>47</sup>.

В результате этого негласного бойкота изнанка формально полностью украинизированных учреждений, укомплектованных работниками-украинцами, всё равно продолжала оставаться русской. «В разрыве ведения делопроизводства с разговорной речью таится самый махровый оппортунизм», — оставалось констатировать поборникам украинизации<sup>48</sup>. В таких условиях введение украинских кадров в соваппарат представлялось бес-

шовинизму // Работа советов. 1931. № 10–11. С. 44.

<sup>43</sup> *Саратовский А.* Указ. соч.

<sup>44</sup> Островский еще более категорично утверждал, что «сторонниками украинизации является советский элемент, а противниками — антисоветский». По его словам, «против советской украинизации выступают зажиточные крестьяне, большинство которых имеют сами русское образование, а сыновья многих из них окончили среднюю и даже высшую школы в дореволюционное время» (*Островский З.* Указ. соч. С. 38–39).

<sup>45</sup> *Федотов А.* Указ. соч.

<sup>46</sup> О том, как проходили занятия в украинизированных школах РСФСР, можно узнать из воспоминаний старожилов. Вот как это выглядело в начальных классах украинизированной школы в г. Алексеевка (ЦЧО):

«На фоне черной доски учительница Елена Ивановна Рынковенко показывает карандаш и молвит:

— Оце оливець...

Соседи на партах переглядываются, иные прыскают от смеха. Чудно ведь. Елена Ивановна строго обводит глазами класс и назидательно утверждает:

— Оливець!

И тут же заставляет повторить названное ею» (*Кряженков А.Н.* Почему Алексеевка не стала Олексиївкой // Звонница. 2007. № 9. С. 301–306).

<sup>47</sup> *Сосуля Ол.* Культурно-национальное строительство в ЦЧО // Работа советов. 1931. № 10–11. С. 40–42.

<sup>48</sup> *Федотов А.* Указ. соч.



полезным — коренизация требовалась не столько учреждениям, сколько самим «нацменам», упорно не желавшим расстаться с русской культурой. Схожая проблема возникала, например, в Крымской АССР: «не ведется никакой борьбы с такими настроениями (а они встречаются), когда пред. сельсовета или секретарь нацмен. совета — немец, еврей, украинец — говорит: “Не знаю родного языка, забыл, разучился родной речи, думаю и то уже на русском языке”»<sup>49</sup>.

Судя по журнальным публикациям, иногда несознательность в вопросе украинизации проявляли и широкие массы украинского крестьянства. Так, в Сибири «крестьяне в некоторых селах недовольны украинизацией школ, потому что в окружающей жизни <...> они не видят никакой потребности в применении украинского языка»<sup>50</sup>. В Донском округе Северо-Кавказского края, где доля украинцев составляла 89%, украинизация сталкивалась с таким же непониманием. «В результате того, что население незнакомо с вопросами украинизации и не видит перспектив, был случай в Кущевском районе, когда открытую украинскую школу само население закрыло»<sup>51</sup>. Иными словами, украинцы в РСФСР (точнее, те, кого власть считала украинцами) во многих случаях не стремились к национальному обособлению или даже активно его избегали. Но украинизаторы, тем не менее, буквально *обязывали* их к этому, подчеркивая недопустимость растворения украинского меньшинства в массе русского населения.

Принимая решение об украиниза-

ции того или иного района, руководящие органы апеллировали к его национальному составу, известному из переписных данных. Казалось, что они просто исходили из некоей объективной реальности, первичной по отношению к украинизаторским начинаниям. Но уже сама процедура подсчета украинцев была первым актом украинизации, то есть принуждения «к нерусскости» тех, кто слабо или вообще никак не отличал себя от русских. В условиях размытой русско-украинской идентичности сами результаты переписей зависели от готовности переписчиков настаивать на отличиях между русскими и украинцами. Как отмечал Островский, во время Всесоюзной переписи населения 1926 г. в ряде регионов «переписчики недостаточно объясняли украинскому крестьянству необходимость точно указывать свою национальность для правильного учета каждой национальности, а говорили крестьянам, что можно записываться и русскими и украинцами, так как это одно и то же»<sup>52</sup>.

Существование украинцев как обособленной национальной группы на территории РСФСР являлось не *предпосылкой* советской украинизации, а скорее должно было стать ее *продуктом*. Если граница, например, между русскими и казахами, вторым по численности национальным меньшинством в РСФСР после украинцев, была достаточно очевидной, то границу между русскими и украинцами только предстояло прочертить. Оправдывая свои колебания в деле украинизации, ответственные работники Кореновского района Северо-Кавказского края практиковали «указания на “трудность” отличия украинца от русского»<sup>53</sup>. Кореновский район располагался в центре Кубани, которая виделась чуть ли не главной украинской вотчиной в РСФСР. Но даже там

<sup>49</sup> Попова Е. Коренизацию аппарата — на высшую ступень (опыт работы КрымАССР) // Революция и национальности. 1932. №7. С. 50–55

<sup>50</sup> Шляховой В. Просвещение украинцев в Сибири // Просвещение национальностей. 1931. №2. С. 82–84.

<sup>51</sup> Булатников И. Указ. соч.

<sup>52</sup> Островский З. Указ. соч. С. 26.

<sup>53</sup> Саратовский Л. Указ. соч.

существование украинской национальности не было самоочевидным. Во всяком случае, украинизаторы жаловались на длительное засилье «умников», доказывавших, «что никаких украинцев на Сев. Кавказе нет, а если они и существуют в небольшом количестве, то свой украинский язык давно они потеряли, изъясняясь на особом “кубанском наречии”»<sup>54</sup>.

В регионах, удаленных от УССР, ситуация тем более не могла выглядеть иначе. Например, в Сибири, сетовал один из авторов, украинцев «местные работники зачастую даже не считают нацменьшинством»<sup>55</sup>, а в официальных документах утверждалось, что «украинцы обрусели, не говорят по-украински, не желают учиться на своем родном языке»<sup>56</sup>. Вплоть до начала украинизации, как отмечалось в другой работе, украинцев в РСФСР «ошибочно считали русифицированными»<sup>57</sup>. Но украинизаторы рассматривали постепенное слияние выходцев из Украины и Белоруссии с русским большинством не как естественное явление, а как злонамеренный умысел: «недостаточное использование родного языка украинцами и белорусами, живущими среди русских, есть результат русификаторской политики царского правительства в прошлом»<sup>58</sup>. Украинизация должна

была повернуть процесс русификации вспять, вычленив украинское меньшинство из переплетения южнорусских диалектов и ассимилирующего марева русской городской культуры.

### Великорусский шовинизм как главная опасность

Вся советская национальная политика до середины 1930-х была направлена на изживание «великорусского шовинизма» — и в процессе украинизации в РСФСР эта проблема звучала как нигде остро. «Обязательным условием успешного проведения украинизации является непримиримая борьба с великодержавным шовинизмом, как с главной опасностью»<sup>59</sup>. Вычленение украинцев из массы русского населения, да не где-нибудь, а прямо на территории «русской» РСФСР, било как бы в самое сердце великорусского шовинизма, под которым большевики понимали стремление к политическому и культурному доминированию русской нации. Успех украинизации в РСФСР окончательно сделал бы такое доминирование невозможным, а вот провал всё еще оставлял эту возможность открытой. Островский с одобрением цитировал передовицу «Красного знамени», газеты Кубанского округа: «всякое отмахивание от украинского вопроса объективно является уклоном в сторону великодержавного русского шовинизма, в сторону установления господства русского языка и русской культуры»<sup>60</sup> (1925).

Предполагалось, что украинизация в РСФСР заблокирует включение в русскую нацию миллионов людей, которые не имели *никаких* препятствий к тому, чтобы стать ее частью. Согласно Всероссийской переписи 1926 г., в РСФСР украинцы составляли 10% по отношению ко всему ее русскому насе-

<sup>54</sup> Булатников И. Указ. соч. Одним из таких «умников» был нарком просвещения РСФСР Анатолий Луначарский. Выступая весной 1926 года на конференции работников образования в Краснодаре, он ответил на вопрос о возможном исчезновении русского языка на Кубани в результате украинизации, заявив, что это невозможно, поскольку здесь говорят не на украинском, а на «кубанском языке», носителем которого легче понимать русский (Українізація 1920–30-х років... С. 247–248).

<sup>55</sup> Шляховой В. Указ. соч.

<sup>56</sup> Шалюпа М. Указ. соч.

<sup>57</sup> Зонин Ю. Указ. соч.

<sup>58</sup> Богданов А. Характеристика национальной грамотности главнейших народностей

СССР // Просвещение национальностей. 1930. № 4–5. С. 81–86.

<sup>59</sup> Саратовский Л. Указ. соч.

<sup>60</sup> Островский З. Указ. соч. С. 53.

лению. Следовательно, остановив ассимиляционные процессы, украинизаторы в перспективе вычеркнули бы из рядов русской нации примерно *каждого десятого*. Более того, успешное конституирование украинских национальных меньшинств на юге России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке, позволило бы значительно сузить пространство, осмысляемое в качестве неотъемлемо русской территории. Обилие малороссийских колонистов, которые прибыли сюда до революции, давало украинизаторам дополнительный козырь. «Коренного великорусского населения... — очень мало <...> Приморская область представляет вторую Украину со значительной примесью белорусов», — отмечала в 1909 г. Общеземская организация<sup>61</sup>. Целью советской украинизации было увековечить эту ситуацию.

Идеологи украинизации особо настаивали, что украинцы расселены по РСФСР *сплошными массивами*. Так, Островский писал о 4-х смежных уездах бывшей Воронежской губернии с преобладанием украинцев: «если исключить незаселенную украинцами часть <...> то в общем получится район с примерно одним миллионом населения, из которого больше 90% составляют украинцы»<sup>62</sup>. Похожая картина вырисовывалась и в трех уездах бывшей Курской губернии: «если выделить здесь заселенную украинцами территорию, то получится район примерно в 700 тыс. жителей, из которых около двух третей — украинцы»<sup>63</sup>. В Сибири, подчеркивал Островский, существует 400-тысячный Славгородский округ, где украинцы являются наиболее мно-

гочисленной национальной группой (46%), на Дальнем Востоке «в округах Владивостокском, Хабаровском и Амурском украинцы живут большими компактными массами, составляя в отдельных административных районах от 55 до 90% всего населения»<sup>64</sup>. И это был далеко не полный список — считалось, что еще почти 2 миллиона украинцев живет на Кубани и в Ставрополье<sup>65</sup>.

В случае успеха украинизации территория РСФСР покрылась бы не просто отдельными украинскими районами, замкнутыми на себя (планировалось, что даже связь с краевым руководством такие районы будут поддерживать на украинском языке). В РСФСР выросло бы несколько маленьких Украин со своими украиноязычными университетами, газетами, украинизированной партийной элитой. Конгломерат украинизированных анклавов стал бы дополнением к двум десяткам национальных республик и областей, созданных большевиками в РСФСР. Эта система многочисленных вставок, каждая из которых была наделена своим национально-политическим лицом, должна была изнутри изрезать аморфное пространство русских краев и областей, сделав невозможной консолидацию русской нации.

Отвечая на вопрос, поставленный в начале статьи, можно сказать, что основным смыслом украинизации в РСФСР было блокирование процессов русского нацистроительства, и в этом отношении украинизация была органичной частью всей советской национальной политики. Умышленное вычеркивание украинского меньшинства из складывающегося пространства русской нации является просто самым ярким примером антирусской направленности этой политики, хотя чуваша или удмурты в каком-то смыс-

<sup>61</sup> Сибирь в составе Российской империи / Под ред. А.М. Дамешека, А.В. Ремнева. М., 2007. С. 70. По подсчетам Общеземской организации, к 1909 году в Амурской области малороссы составляли 40,6% населения, а в Приморской области их было не менее 75%.

<sup>62</sup> Островский З. Указ. соч. С.19.

<sup>63</sup> Там же.

<sup>64</sup> Там же. С. 20.

<sup>65</sup> Українізація 1920–30-х років... С. 235.

ле испытывали на себе не меньшее принуждение к нерусскости. «Борьба с великорусским шовинизмом» не была пустым пропагандистским клише, за ней стояло реальное желание лишить русское население политической субъектности, не дать превратиться «великороссам» в гомогенную нацию, обладающую собственной территорией и политическим представительством. Наряду с вышеперечисленными положительными задачами множественного советского нацистроительства, это было еще одной, негативной его целью.

Почему русское нацистроительство, в отличие от киргизского, украинского или ингушского, не входило в планы большевиков, а, наоборот, вызывало активное противодействие? Эта проблема заслуживает отдельной статьи. Здесь можно ограничиться предположением, что в своем антирусском курсе советская власть руководствовалась не столько иррациональной ненавистью, сколько вполне прагматическими расчетами. Русское национальное движение, пусть даже социалистической ориентации, мгновенно разбалансировало бы советскую систему. Учитывая несоизмеримый с другими союзными республиками экономический и человеческий потенциал РСФСР, если бы ее руководство получило возможность говорить от лица русской нации, то это привело бы к закату общесоюзной власти. Собственно, и то, и другое и произошло в конце 1980-х, когда движение России к независимости стало главной причиной распада СССР, причем идея такой независимости вызрела в кругах русофильской почвеннической интеллигенции.

\* \* \*

В самом конце 1932 г. украинизация на территории РСФСР была резко свернута. Ей положило конец печально известное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в

Западной области» — в одном из его пунктов осуждалась «не большевистская “украинизация” почти половины районов Северного Кавказа», которая якобы привела к активизации антисоветских элементов. Постановление предписывало немедленно перевести делопроизводство, прессу и образование в украинизированных районах обратно «с украинского языка на русский язык, как более понятный для кубанцев»<sup>66</sup>. Одним росчерком пера высшее руководство перечеркнуло всю кропотливую работу по конструированию украинской национальности в границах РСФСР — кубанцам, а вслед за ними и другим предполагаемым украинцам позволили остаться русскими.

И вот уже спустя полгода «перегибы» украинизации в РСФСР вовсю критиковались на страницах печати: «мудрецы-шовинисты на Северном Кавказе требовали отправления в украинские школы детей, у которых родители являются потомками выходцев из Украины. Они переводили преподавание на украинский язык в школах, в которых большинство учащихся было детьми тех, чьи предки переселились на Кавказ еще во времена Екатерины II»<sup>67</sup>. К середине 1930-х прекратились попытки пестовать и другие советские национальности за пределами их собственных национально-территориальных образований — туркменские сельсоветы где-нибудь в азербайджанской глубинке или немецкие нацрайоны в Сибири, еще вчера считавшиеся символом достижений советской национальной политики, упразднились в массовом порядке.

<sup>66</sup> Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, А. Виолы. М., 2001. С. 575–577.

<sup>67</sup> Давыдов И.Д. На пороге второй пятилетки // Национально-культурное строительство в РСФСР к XV-летию Октябрьской революции. М.–Л., 1933. С. 6–24.

Но это не означало отмену советского множественного нациестроительства — просто с конца 1930-х оно перестало «перехлестывать» через границы национальных республик и областей. Сворачивание украинизации в РСФСР не помешало первому секретарю ЦК КПУ Станиславу Косиору заявить в 1937 г. о «продолжении линии на дальнейшую украинизацию» в УССР<sup>68</sup>. Кубань, российское Черноземье и Дальний Восток перестали рассматриваться как полигон для формирования украинской национальности, однако Юго-Восток УССР остался частью советского украинского проекта, хотя там украинизация часто сталкивалась с не меньшим сопротивлением. В 1927 г. жители Сталинского округа УССР (ныне — Донецкая область) жаловались в «Крестьянскую газету» — объявления, расклеенные на райисполкомах и сельсоветах, невозможно читать, «потому что написано на украинском непонятном языке»<sup>69</sup>. Но поскольку Сталинский округ располагался в пределах УССР, в данном случае Москва так и не озаботилась возвращением его населению «более понятного» русского языка, как это было сделано на Кубани.

---

<sup>68</sup> *Борисёнок Е.* Указ. соч. С. 231.

<sup>69</sup> Там же. С. 140.

Можно только гадать, каких результатов добилась бы украинизация в РСФСР в случае своего продолжения, но спустя 80 лет после ее остановки регионы, которым предстояло стать миниатюрными Украинами в составе РСФСР, *полностью* русифицировались — например, по данным Всероссийской переписи за 2010 г., в Воронежской, Белгородской, Курской и Краснодарской областях доля украинцев составляет всего 1,3%, 2,6%, 1,2% и 1,7% соответственно. В то же время в Харьковской, Донецкой и Луганской областях, где украинизация с разной интенсивностью продолжала идти вплоть до настоящего времени, доля русских до сих пор остается весьма значительной (25,6% 38,2% и 39% по данным Всеукраинской переписи за 2001 год). Принуждение к нерусскости оказалось менее результативным, чем стихийная русификация.

Тем не менее советская национальная политика принесла свои плоды. Если бы в XX веке на русское нациестроительство было затрачено столько же усилий, сколько их было пущено на прямо противоположные цели, то численно, территориально и политически русская нация сейчас выглядела бы совсем иначе.